человѣкъ, съ такимъ же прошедшимъ, съ такими же страстями и заблужденіями, съ такими же мыслями, такими же вопросами—такой же человѣкъ какъ и я, то затѣянное мною дѣло вдругъ представилось мнѣ такъ трудно, что я почувствовалъ свое безсиліе: но дѣло было начато, и я продолжалъ его.

„Я нѣсколько разъ до окончательнаго обхода былъ въ Ржановомъ домѣ и всякій разъ происходило одно и то же: меня осаждала толпа просящихъ людей, въ массѣ которыхъ я совершенно терялся. Я чувствовалъ невозможность что-нибудь сдѣлать, потому что ихъ было слишкомъ много и потому что чувствовалъ недоброжелательство къ нимъ за то, что ихъ такъ много; но кромѣ этого, и каждый изъ нихъ порознь не располагалъ къ себѣ. Я чувствовалъ, что каждый изъ нихъ говоритъ мнѣ неправду или не всю правду и видитъ во мнѣ только кошель, изъ котораго можно вытянуть деньги. И очень часто мнѣ казалось, что тѣ самыя деньги, которыя онъ выманиваетъ изъ меня, не улучшатъ, а ухудшатъ его положеніе. Чѣмъ чаще я ходилъ въ эти дома, чѣмъ въ большее общеніе входилъ съ тамошними людьми, тѣмъ очевиднѣе мнѣ становилась невозможность что-нибудь сдѣлать, но я все не отставалъ отъ своей затѣи до послѣдняго ночного обхода переписи.“

О результатѣ этого обхода, приведшаго гр. Толстого къ заключенію о невозможности затѣян-